

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-61-71>

УДК 008

ББК 71.0+83.3(2Рос=Рус)52



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. С. И. Бажов

г. Москва, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СИБИРСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация: Творчество Ф. М. Достоевского, представляющее собой одну из вершин русской и мировой литературы, по-прежнему привлекает внимание не только литературоведов, но и специалистов других гуманитарных дисциплин. Как представляется, в немалой степени это объясняется тем, что Достоевский не только писатель, но и мыслитель. Более того, возможно, что в качестве мыслителя Достоевский оказывал и продолжает оказывать даже большее влияние, чем как писатель, при всей условности такого разделения. В художественно-мировоззренческом синтезе и идейной эволюции Достоевского отразилась эпоха, характеризовавшаяся сочетанием начал традиционных и модернизированных. Важно реконструировать логику идейно-мировоззренческой эволюции Достоевского, рассмотреть эту проблематику в философско-мировоззренческой системе координат. Решающим звеном в мировоззренческой эволюции Достоевского оказался переход от раннего творчества к зрелому, подготовившийся в сибирский период, т. е. во время отбывания наказания в остроге, в ссылке и в солдатах по приговору суда по делу М. В. Буташевича-Петрашевского. Этот период и является предметом рассмотрения в настоящей работе.

Ключевые слова: творчество Ф. М. Достоевского, социализм, сибирский период, мировоззренческая эволюция, христианство, «Бедные люди», «Записки из подполья».

Информация об авторе: Сергей Иванович Бажов — кандидат философских наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0997-3565>. E-mail: bazhovsi@mail.ru

Дата отправки статьи: 16.06.2020

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Бажов С. И. Эволюция мировоззрения Ф. М. Достоевского в сибирский период // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 61–71. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-61-71>

Творчество Ф. М. Достоевского, представляющее собой одну из вершин русской и мировой литературы, по-прежнему привлекает внимание не только литературоведов, но и специалистов других гуманитарных дисциплин. Как представляется, в немалой степени это объясняется тем, что Достоевский не только писатель, но и мыслитель. Более того, возможно, что в качестве мыслителя Достоевский оказывал и продолжает

оказывать даже большее влияние, чем как писатель, при всей условности такого разделения. В художественно-мировоззренческом синтезе и идейной эволюции Достоевского отразилась эпоха, характеризовавшаяся сочетанием начал традиционных и модернизированных. В творчестве Достоевского, с его преимущественным интересом к теме человека, к рассмотрению диалектики мировоззренческих идей и судеб людских, оказались представлены оба социокультурных полюса — традиционный и современный, православной традиции и личности современного типа, не чуждой мотивов комплекса сверхчеловека и идейного борца за справедливое общественное устройство. С полным основанием историки русской философии рассматривают Достоевского как одного из родоначальников русского религиозно-философского ренессанса, а именно, его экзистенциально-персоналистской линии. Творчество Достоевского было и вполне оправданно остается предметом философских интерпретаций [2; 10; 12; 16].

В исследовательской литературе сибирский период в жизни Ф. М. Достоевского сегодня часто рассматривается с биографической точки зрения, а также как период накопления новых впечатлений, новых материалов для будущих произведений [3; 11; 13; 14]. Но важно также реконструировать логику идейно-мировоззренческой эволюции Достоевского, продолжать традицию рассмотрения этой проблематики в философско-мировоззренческой системе координат.

Решающим звеном в мировоззренческой эволюции Достоевского оказался переход от раннего творчества к зрелому, подготовившийся в сибирский период, т. е. во время отбывания наказания в остроге, в ссылке и в солдатах по приговору суда по делу М. В. Буташевича-Петрашевского. Этот период и является предметом рассмотрения в настоящей работе. Какими были мировоззренческие искания Достоевского в сибирский период в сравнении с первым периодом его творчества, каким было соотношение в них размышлений религиозных и внерелигиозных? Эти вопросы и будут рассмотрены в настоящей работе.

Говоря о мировоззрении Достоевского в начале его творческого пути, необходимо принять во внимание, что из материалов биографии Достоевского известно, что с детства он воспитывался в православной традиции, что в нем рано проснулся психологический интерес к человеку, а наиболее крупное раннее произведение молодого писателя написано в жанре социального романа.

Реконструируя ранний этап мировоззренческой эволюции Достоевского, отметим последний момент. Дело в том, что доминантой мировоззрения Достоевского в ранний период творчества была социальная тема — и она играла роль призмы, в которой преломлялись и все другие мировоззренческие смыслы.

Самое крупное произведение раннего Достоевского — роман (или, по мнению ряда исследователей, повесть) «Бедные люди» (1846) было написано по оценке В. Г. Белинского в духе натуральной школы. И, разумеется, это не какая-то случайность, а выражение самых глубоких и сокровенных убеждений и чаяний писателя. В центре романа — тема маленького человека, и свою задачу писатель видит в том, чтобы пробудить в читателе сочувствие к маленькому человеку. Средства решения этой задачи у Достоевского — показать, что маленький человек, подчас влачащий жалкое существование в условиях нищеты, тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо, что, несмотря на малозначительность его социального статуса, у него есть душа, это личность с присущей ей внутренней жизнью и борьбой, которая не отличается от личности человека из высшего общества.

Но Достоевский не только стремится доказать принципиальное личностное равенство, он также намерен убедить своего читателя в том, что к такому человеку следует относиться с пониманием, сочувствием, уважая его человеческое достоинство, как к равному, и т. д. Позднее Достоевский вспоминал, что он переживал минуты счастья, описывая перипетии персонажей своего первого романа, ибо, как ясно, он воспринимал свое творчество как высокое общественное и культурное служение, как своего рода миссию.

Конкретизируя эту мировоззренческую доминанту, необходимо указать на такие понятия, как прогресс, разум, гуманность, социализм как новую, более прогрессивную ступень общественного развития, характеризующуюся более совершенным, более справедливым, гуманным и разумным общественным устройством. Долг и миссия просвещенного человека, смысл его деятельности и во многом смысл его жизни — содействовать прогрессивным историческим изменениям, совершенствованию и гуманизации жизни. Прогресс существенно изменяет историческую реальность и положение человека в ней; в ходе прогрессивного развития совершенствуется не только общество, но и человек, который становится более просвещенным, гуманным, нравственным и т. д.

Рассматривая эту идеологию далее, можно сказать, что у человека глубоких убеждений она фактически становится разновидностью светской религии. Феномен такого рода светской религиозности анализировали С. Н. Булгаков, Э. Фромм, Р. Арон («Опиум интеллигенции») и др. [4; 5; 16; 1].

Но, разумеется, эта социальная тема, при всей ее важности и доминирующей роли в мировоззрении и в творчестве молодого писателя не была единственной, были и другие темы и мотивы — психологизм и христианство. Но важно отметить, что и психологизм, и христианство в логике мировоззрения и творчества Достоевского раскрылись и интерпретировались преимущественно в связи с социальной темой.

Поясняя это утверждение, нужно отметить, что и в молодости религиозные идеалы для Достоевского сохраняли свое притягательное значение (так, сам Достоевский отмечал, что разошелся с В. Г. Белинским из-за отрицания последним Христа). В годы увлечения прогрессистской и социалистической идеологиями (социальной темой) живыми и актуальными религиозными смыслами для Достоевского были те, которые в религии высвечивались социальной темой как доминантной. Так, Христос понимался по преимуществу как герой человечества, как представитель христианско-социального идеала, а другие возможные и даже интуитивно переживавшиеся религиозно-мировоззренческие смыслы заслонялись этим главным смыслом, они были второстепенными относительно главной социально-прогрессистской веры, в свете которой формулировалось и определялось большинство мировоззренческих значений, смыслов и переживаний молодого писателя.

Аналогичным образом следует рассуждать и о психологизме Достоевского. Это был психологизм, мировоззренческая глубина которого определялась, с одной стороны, личностными психологическими исканиями и переживаниями Достоевского, а с другой стороны, ограничивалась рамками прогрессистских социалистических убеждений.

Если же обратиться к психологизму Достоевского в рамках социальной темы, то следует отметить, что для первого романа в поэтике социально ориентированной натуральной школы Достоевский избрал наиболее лирическую и психологическую форму романа в письмах с тем, чтобы наилучшим образом раскрыть историю самосознания главных героев, их внутренний мир, взаимоотношения и т. д.

Вместе с тем психологизм Достоевского проявлялся не только в рамках поэтики натуральной школы, но и за ее пределами. Почти столь же значимыми, как образ маленького человека у Достоевского, (а образ этот, не будем забывать, был проявлением глубокой просветительно-социалистической веры писателя — отсюда и несомненное первенство и лидерство этого образа), были образы мечтателя и двойника.

Мечтатель и двойник — это персонажи, психологически взаимосвязанные. Личности мечтателя присуща раздвоенность на мечту и реальность. В образе двойника писатель углубляется в изображение жизни мечтами до рассмотрения раздвоения личности (и его последствий), которые вызываются жизнью мечтами. Образы мечтателя и двойника несли в себе самобытную проблематику. Загадку образов мечтателя и двойника в своем творчестве Достоевский в последующем разъяснил, когда сказал, что в молодости он сам был «страшным мечтателем», отсюда и соответствующий интерес. Чтобы глубже понять эти феномены, их необходимо специально исследовать. А без такого исследования можно сказать, что мечтателю и его собрату двойнику действительность представляется бесперспективной, пошлой, скучной и т. д. в перспективе самоактуализации человека, в перспективе действительной жизни человека, как он ее понимает. Поэтому в противовес действительности человек утверждает мир мечтаний, в который страстно погружается, в который перемещает свою «настоящую» жизнь, при этом раздваиваясь так сказать в большей мере, чем это допускается пределами социальной нормы, и в результате утрачивает связь с реальностью и т. д. В такой системе воззрений подлинной жизнью считается жизнь в мечтаниях, а реальная действительность воспринимается как чуждая, отвергнутая, а потому — недоосвоенная и недопонятая и в конечном счете сурово мстящая мечтателю, витающему в облаках.

Конечно, выше дана лишь схема мировоззренческих принципов раннего Достоевского, но для целей нашего исследования ее вполне достаточно.

Какую же мировоззренческую эволюцию Достоевский пережил в сибирский период? Во-первых, следует сразу же отказаться от упрощенного взгляда, будто бы Достоевский после ареста, следствия и после пытки инсценировкой смертной казни изменил своим прогрессистским и социалистическим убеждениям. На этот момент обратил внимание Л. Шестов в книге «Философия трагедии», приведя свидетельство из «Дневника писателя» 1873 г. о том, что в минуты ожидания расстрела, готовясь к смерти, «некоторые из нас инстинктивно углублялись в себя и, проверяя мгновенно всю свою столь юную жизнь, может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих; но то дело, за которое осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, — представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающими, мученичеством, за которое многое нам проститься! И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломали нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга» [6]. В этих словах очень хорошо передан дух мировоззренческих убеждений, продуцирующих такое количество живых и конкретных личностных смыслов, ради которых человек способен пойти на жертвы, которые дают человеку смысловую и эмоциональную опоры в дни испытаний.

Какие же впечатления и размышления сибирского периода способствовали изменению мировоззрения Достоевского? Хотя писатель и не оставил истории «перерождения» своих убеждений и, более того, парадоксально высказывался в том духе, что рассказ об этом не был бы читателям интересным, все же в разной связи он неоднократно возвращался к этой истории, поэтому в распоряжении исследователей имеется ряд свидетельств, позволяющих реконструировать его миро- и жизневоззренческую эволюцию.

В подготовительных материалах к рассказу писателя «Мужик Марей», помещенном в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г., Достоевский заметил, что эти «<...> воспоминания дали мне возможность пережить в каторге». В основу рассказа положен эпизод, когда Достоевский-мальчик, гуляя в лесу, увидел, как он посчитал, волка, очень испугался и в панике стал убегать, наткнулся на мужика Марей, которого едва знал, и он успокоил мальчика. Разумеется, слова Достоевского о том, что эти воспоминания дали ему возможность пережить в каторге, нельзя понимать буквально. Надо принять в расчет образный строй мышления писателя. Достоевский имеет в виду, что другой человек, и старшего возраста, и малознакомый, и из другого сословия — из крестьян, помог ребенку, проявил к нему участие. «Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственную нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика...» [7]. Следовательно, несмотря на внешние разделения и отчуждение, возможно подлинное общение людей.

«И вот, — вспоминает Ф. М. Достоевский, — когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречающиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце» [7]. И о другом каторжнике-поляке, столкнувшимся с той же проблемой. «Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме “Je hais ces brigands!” (“Ненавижу этих разбойников!” — С. Б.). Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!» [7]. Разумеется, дело здесь не в указании на различия обстоятельств и условий детства — помещный дворянин рос в имении, а у М-цкого была другая ситуация в детстве, суть здесь в гениальном эмоциональном интеллекте Ф. М. Достоевского.

Для Достоевского на каторге вопрос о том, можно ли в уголовных каторжаных увидеть людей, приобрел жизненно важное значение, так как в глубине души он презирал каторжан и в сердце его загоралась злоба и дело было не только в том, что в этих людях не удавалось найти человеческое, но и в том, что свое подлинное отношение к каторжанам невозможно было скрыть, как ни старайся, а такая ситуация была чревата дальнейшими серьезными осложнениями, вплоть до смертельно опасного конфликта с каторжниками.

Эти каторжные впечатления послужили Достоевскому материалом для изображения в романе «Преступление и наказание» истории взаимоотношений Раскольникова с другими каторжниками, где также содержится указание на поначалу нараставший между ними конфликт, но затем в отношениях Раскольникова и каторжников наступает перелом к лучшему.

Другое глубокое впечатление и переживание той поры, впрочем, способствующее пониманию первого примера, — это соприкосновение Достоевского с опытом народной веры в Христа. О значимости этих переживаний и мыслей Достоевский позднее высказался так: «...от него (народа. — С. Б.) я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”» [8].

В сообщениях об этих своих соприкосновениях с опытом народного христианства, Достоевский чаще всего говорит о вере во Христа как о правде народной, о народном идеале, который также надо принимать в расчет, когда дается характеристика состоянию народа, в этой связи также говорится об отрыве безрелигиозной интеллигенции от народной христианской почвы и т. д. Но хотелось бы также обратить внимание на то, что в народном христианстве Достоевский увидел опыт не книжной и доктринальной, головной, но жизненной и в этом смысле живой религиозной веры, и этот феномен также был предметом его осмысления.

По мере того, как в своих жизненно-мировоззренческих исканиях Достоевский приходит к религиозным решениям, значимость христианских начал в его мировоззренческой системе возрастала, и, в конце концов, под влиянием жизненно-мировоззренческого опыта сибирского периода начинается кардинальная перестройка его личного и художественного мировоззрения: социализм и православие начали меняться местами.

В свете нового мировоззренческого опыта Достоевского становится понятной и перестройка его художественного мышления. Хотя для своего первого послесибирского романа «Униженные и оскорбленные» (1861) Достоевский избирает испытанную форму социального романа, одновременно он ведет и творческий поиск, который выражает его новый мировоззренческий опыт — «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), где Достоевский раскрывает свое новое понимание личности. М. М. Дунаев правильно отмечал, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский излагает новую концепцию личности, что свидетельствует о переменах в его мировоззрении, о поиске и обретении новых смыслов [9].

Этот поиск был и непростым и, возможно, не во всем успешным. В этой связи можно сказать, что у Достоевского различаются два уровня в трактовке религиозной темы — художественно оформленный, жизненный и мировоззренческий опыт, идеология. Здесь термин идеология используется в значении, указывающем на содержание не на основании личного опыта, личного свидетельства, но на основе предположения о возможном опыте.

Точнее, здесь речь идет об определенной формулировке православного идеала личности. Разумеется, логика веры диктует необходимость знать этот идеал, ориентироваться на него. Насколько человеку удастся к этому идеалу приблизиться, определяется тем, в какой мере человеку удастся найти средства и обрести силы для трансформации несовершенных измерений своего естества в позитивные и продуктивные, способствующие раскрытию духовного потенциала. Именно духовные обретения человека позволяет ему не только быть осведомленным по поводу идеала, но практически приближаться к нему.

Впрочем, частичное отражение нового мировоззренческого опыта и круга представлений Достоевского, новых акцентов мы видим и в других его произведениях: так, в повести «Дядюшкин сон» (1859) в самом крупном произведении, написанном по выходе из острога в Семипалатинске, писатель изображает привычный для себя тип мечтателя, но в новом парадоксально-сатирическом облике, в «Записках из Мертвого дома» (1860).

В исследовательской литературе высказывается мнение, что повесть, написанная одновременно с «Дядюшкиным сном», — «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) — стоит несколько особняком и не может быть объяснена в логике начавшейся перестройки творчества Достоевского. Но если принять во внимание возрастающий

интерес писателя к религиозной проблематике, то становится вполне понятным его обращение к осмыслению темы деформации религиозных установок и отношений, творческим итогом развития которой станет знаменитая «Легенда о Великом Инквизиторе».

Важным пунктом разрыва писателя-мыслителя со своим прежним прогрессивно-просветительским и социалистическим мировоззрением стали «Записки из подполья». В этом произведении Достоевский полемизирует с такой капитальной идеей социалистической парадигмы, что человек есть функция общественных условий, социальной среды, совокупность общественных отношений и что усовершенствование социальной среды приводит к совершенствованию человека (и наоборот), а также с просветительским представлением о человеке как о, по преимуществу, рациональном существе. По Достоевскому, для человека самым важным оказывается не стремление приобщиться к рациональной мировой (социальной) гармонии в идеале и в служении, но желание «по своей глупой воле пожить». Но, разумеется, это у Достоевского не финальный вывод в новой трактовке человека, но лишь ее исходный пункт. В осуществлении своей жизненной воли человек свободен и может пойти различными путями, в зависимости от того, какие ценности он считает подлинными или неподлинными, какие характеристики реальности существенными или несущественными.

Эта новая для Достоевского концепция человека значима не только сама по себе, но находится в связи с мировоззренческими идеями, предполагает широкую перестройку мировоззренческих представлений.

Итак, у Достоевского в сибирский период происходит переоценка ценностей, суть которой состояла в том, что комплекс представлений, включающий идеологию прогресса и социализма, стал постепенно вытесняться, отходить на второй план и замещаться христианскими мировоззренческими смыслами, которые все более открывал для себя мыслитель, которые входили в контекст его размышлений о человеке как о личности-субъекте.

Великим романам Достоевского будет присуще одновременное изображение путей праведных и неправедных, подлинных и неподлинных, что вполне понятно как принцип раскрытия целого жизнебытия, что, в свою очередь, дает повод некоторым интерпретаторам творчества писателя, в силу особенностей своего мировоззрения неспособных понять поэтику зрелого Достоевского, для односторонних и несправедливых оценок его творчества по типу едва ли не парадигмальной односторонней оценки Н. К. Михайловским великого писателя как «жесточкого таланта», подхваченной и другими левыми интеллектуалами.

Художественным итогом мировоззренческой эволюции Достоевского и одновременно началом серии великих христианских романов писателя стало «Преступление и наказание» (1865–1866). Прежде всего, в этом произведении Достоевский преодолевает форму социального романа, которая была у него до сей поры ведущей романной формой. Достоевский больше не считает для себя важнейшей социальной тему (и обуславливающую ее социалистическую идеологию), теперь центр тяжести смещается в сферу христианской онтологии и антропологии, преломленных в концепте новоевропейской свободной личности-субъекте, что, кстати, не означает, что мыслитель утратит интерес к социальной тематике — напротив, она будет второй важнейшей темой его зрелого творчества.

В свете принципа одновременного изображения писателем путей праведных и неправедных можно сказать, что, в сущности, самосознание у героев Достоевского — не диалог, а духовная борьба и духовные решения, которые в дальнейшем только

внешне выражаются в форме диалога. В свете этих соображений вполне понятным становится образ центрального персонажа романа — Раскольникова, который под влиянием духовного повреждения и помешательства — следствий разрушительных мировоззренческих идей, совершил тяжкое преступление — двойное убийство, но потом сумел найти путь, ведущий к духовному возрождению. Понятно, что духовная борьба может быть изображена и вне криминального сюжета.

Отныне романы писателя строятся в тесной связи с христианской онтологией и антропологией, осложненной рецепцией новоевропейских принципов. Это художественно-мировоззренческий синтез христианской онтологии и антропологии и новоевропейских начал (идея личности-субъекта, идея свободы и др.), нуждающийся в философском раскрытии, экспликации. Философская интерпретация творческого синтеза Ф. М. Достоевского была осуществлена представителями русского религиозно-философского ренессанса — Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, Н. О. Лосским и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015. 480 с.
- 2 Бердяев Н. А. Мирозерцание Ф. М. Достоевского // Библиотека «Вѣхи». URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/> (дата обращения 13.06.2020).
- 3 Борисова В. В. Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения // Филологический класс. 2019. № 1 (53). С. 23–27.
- 4 Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С. Н. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 240–273.
- 5 Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С. Н. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 162–222.
- 6 Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 год // Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества». URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1873/04/> (дата обращения 14.06.2020).
- 7 Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, февраль // Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества». URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1876/02/03/#1> (дата обращения 14.06.2020).
- 8 Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год // Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества». URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1880/> (дата обращения 14.06.2020).
- 9 Дунаев М. М. Православие и русская литература XVII–XX вв. // Официальный сайт М. М. Дунаева. URL: <https://mdunaev.ru/knigi/pravoslavie-i-russkaya-literatura-chast-i-i-tom> (дата обращения 14.06.2020).
- 10 Евлампиев И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.
- 11 Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 1. С. 69–100.
- 12 Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miropoimanie/> (дата обращения 13.06.2020).
- 13 Петрова Ю. М. Особенности методологии изучения жизни и творчества Ф. М. Достоевского в сибирский период // Омские научные чтения — 2019. Мат.

- третьей всерос. научн. конф. / под ред. П. В. Прудников [и др.]. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 817–818.
- 14 Сафронова Е. Ю. Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 1. С. 13–41.
- 15 Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию со дня смерти Достоевского) // Библиотека «Вѣхи». URL: http://www.vehi.net/frank/dost1.html#_edn1 (дата обращения 13.06.2020).
- 16 Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя // Library.khpg.org. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1456766557.pdf> (дата обращения 13.06.2020).

© 2020. Sergei I. Bazhov
Moscow, Russia

EVOLUTION OF F. M. DOSTOEVSKY'S WORLDVIEW IN THE SIBERIAN PERIOD

Abstract: The works of F. M. Dostoevsky, representing one of the peaks of Russian and world literature, consistently attracts attention not only of literary critics, but also a range of specialists from other subjects in humanities. It appears that it may in no small way be explained by the fact that Dostoevsky was not only a writer, but also a thinker. Moreover, it is possible that as a thinker Dostoevsky exerted and continues to exert even more influence than as a writer, despite the conventions of such division. Dostoevsky's artistic and ideological synthesis and evolution reflected an epoch characterized by a combination of traditional and modernized principles. It is important to reconstruct the logic of Dostoevsky's ideological and worldview evolution, and to consider this issue in terms of the philosophical and worldview reference frame. A crucial link in the worldview's evolution of Dostoevsky came to be a transition from early to mature writings, developed during Siberian period, i.e. serving his sentence in prison, in exile, and military service under the verdict of the court in the case of Mikhail Butashevich-Petrashevsky. This very period is chosen by the author as a subject of the paper's research.

Keyword: Creativity of F. M. Dostoevsky, socialism, Siberian period, worldview evolution, Christianity, “Poor people”, “Notes from underground”.

Information about the author: Sergey I. Bazhov — PhD in Philosophy, Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St., 12, p. 1, 109240, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0997-3565>. E-mail: bazhovsi@mail.ru

Received: June 16, 2020

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Bazhov S. I. Evolution of F. M. Dostoevsky's worldview in the Siberian period. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 61–71. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-61-71>

REFERENCES

- 1 Aron R. *Opium intellektualov* [Opium of intellectuals]. Moscow, AST Publ., 2015. 480 p. (In Russian)

- 2 Berdiaev N. A. Mirosozertsanie F. M. Dostoevskogo [Worldview of F. M. Dostoevsky]. In: *“Biblioteka Vbkhii”* [Library “Vekhi (Milestones)”]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/> (accessed 13 June 2020). (In Russian)
- 3 Borisova V. V. Epistolarii F. M. Dostoevskogo perioda katorgi i ssylki: kod spaseniia [Dostoevsky's period of penal servitude and exile: the code of salvation]. *Filologicheskii klass*, 2019, no 1 (53), pp. 23–27. (In Russian)
- 4 Bulgakov S. N. Karl Marks kak religiozni tip (Ego otnoshenie k religii chelovekoboziia L. Feierbakha) [Karl Marx as a religious type (His attitude to the religion of man-God by L. Feuerbach)]. In: Bulgakov S. N. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 240–273. (In Russian)
- 5 Bulgakov S. N. Religiiia chelovekoboziia u L. Feierbakha [Religion of man-God in L. Feuerbach]. In: Bulgakov S. N. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 162–222. (In Russian)
- 6 Dostoevskii F. M. Dnevnik pisatel'ia za 1873 god [The writer's diary for 1873]. In: *Setevoe izdanie “Fedor Mikhailovich Dostoevskii. Antologiiia zhizni i tvorchestva”* [Online publication “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Anthology of life and works”]. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1873/04/> (accessed 14 June 2020). (In Russian)
- 7 Dostoevskii F. M. Dnevnik pisatel'ia za 1876 god, fevral' [Writer's diary for 1876, February]. In: *Setevoe izdanie “Fedor Mikhailovich Dostoevskii. Antologiiia zhizni i tvorchestva”* [Online publication “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Anthology of life and works”]. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1876/02/03/#1> (accessed 14 June 2020). (In Russian)
- 8 Dostoevskii F. M. Dnevnik pisatel'ia za 1880 god [The writer's diary for 1880]. In: *Setevoe izdanie “Fedor Mikhailovich Dostoevskii. Antologiiia zhizni i tvorchestva”* [Online publication “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Anthology of life and works”]. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1880/> (accessed 14 June 2020). (In Russian)
- 9 Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaia literatura XVII–XX vv. [Orthodoxy and Russian literature of the 17th–20th centuries]. In: *Ofitsial'nyi sait M. M. Dunaeva* [Official website of M. M. Dunaev]. Available at: <https://mdunaev.ru/knigi/pravoslavie-i-russkaya-literatura-chast-i-i-tom> (accessed 14 June 2020). (In Russian)
- 10 Evlampiev I. I. *Filosofiiia cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedenii k “Brat'iam Karamazovym”)* [Philosophy of man in the works of F. Dostoevsky (from early works to “The Brothers Karamazov”)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii Publ., 2012. 585 p. (In Russian)
- 11 Kalinin M. A. Prototipy nachal'stva v “Zapiskakh iz Mertvogo doma” F. M. Dostoevskogo (po arkhivnym materialam) [Prototypes of the authorities in “Notes from the Dead house” by F. M. Dostoevsky (based on archival materials)]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2020, vol. 7, no 1, pp. 69–100. (In Russian)
- 12 Losskii N. O. Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and his Christian understanding of the world]. In: *Azbuka very* [The ABCs of faith]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/> (accessed 13 June 2020). (In Russian)
- 13 Petrova Iu. M. Osobennosti metodologii izucheniia zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo v sibirskii period [Features of the methodology for studying

- the life and work of F. M. Dostoevsky of the Siberian period]. In: *Omskie nauchnye chteniia — 2019. Materialy tret'ei vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Omsk scientific readings — 2019. Proceedings of the Third all-Russian scientific conference], edited by P. V. Prudnikov [and other]. Omsk, Izdatel'stvo OmGU im. F. M. Dostoevskogo Publ., 2019, pp. 817–818. (In Russian)
- 14 Safronova E. Iu. Sibirskie marshruty F. M. Dostoevskogo [Siberian routes of F. M. Dostoevsky]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2020, vol. 7, no 1, pp. 13–41. (In Russian)
- 15 Frank S. L. Dostoevskii i krizis gumanizma (K 50-letiiu so dnia smerti Dostoevskogo) [Dostoevsky and the crisis of humanism (to the 50th anniversary of Dostoevsky's death)]. In: *Biblioteka "Vekhi"* ["Vekhi" Library]. Available at: http://www.vehi.net/frank/dost1.html#_edn1 (accessed 13 June 2020). (In Russian)
- 16 Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlia sebia [Escape from freedom. Man for himself]. In: *Library.khpg.org*. Available at: <http://library.khpg.org/files/docs/1456766557.pdf> (accessed 13 June 2020). (In Russian)